

ВОСХОЖДЕНИЕ

Заметки о гастролях в Москве Ленинградского театра имени Ленсовета

Настоящие гастроли — всегда вызов. Любому театру должен быть уверен в том, что он вправе выступить в творческий поединок. Можно рассказать о каждом спектакле нашим гостям. Но можно этого и не делать. Ведь театр пригласил нас на восемь вечеров. Очевидно, хотелось представить разных актеров, показать спектакли разных жанров, поставленные в разные годы. Да так, чтобы после серьезного, умного разговора по самым жгучим современным проблемам, начатого И. Владимировым, на другой же день устроить блистательный турнир героев шекспировской комедии.

Конечно, у каждого из этих спектаклей могут сказаться не только поклонники, но и оппоненты. Я же принадлежу к числу тех, кому встреча эта в целом доставила удовольствие, хотя, были, конечно, и досадные моменты. Но не в них дело. Мы увидели театр, который точно знает, что он отстаивает, против чего воюет. А отстаивает он право человека быть человеком, жить по-человечески, созиная свою связь с прошлым, чувствуя ответственность и работу о настоящем и будущем. Мы увидели труппу, в основном говорящую на одном языке, причисленную к тому, что главное действующее лицо в театре — актер, способный плести психологические кружева, петь, плясать, играть фарс и современную драму, сегодня — виллод, завтра — главную роль. С определенной программой, выраженной в каждом спектакле по-разному. Но разве «Вечер живые» и «Гольф король» и «Современники» не подтверждают закономерность таких стилистических парадоксов? Разве можно считать, что один из них утверждает творческое credo театра, а другой опровергает? Конечно, нет!

Речь может идти о том, насколько убедительными оказываются каждый раз поиски собственной театральной правды, насколько они глубоки и серьезны. Скажем, отдавая должное благородству замысла молодого драматурга А. Корина и желанию театра замысел этот поддержать, нельзя не заметить, что их совместные размышления в двух частях, озаглавленные «Остается час», воспринимаются с трудом. Время действия — наши дни. Главный герой — олицетворение всех добродетелей, прожить которые в действиях ему не дано автором. В каждом явлении пьесы как бы начинается заново. И не только заново развивается сюжет, но и тема, и идея предлагаются новые, мало чем связанные с последующими и предыдущими. Спектакль заканчивается, но ответить на вопрос, о чем же все-таки шла речь в течение трех часов, я лично не берусь. И сохранил театр в данном случае свой гастрольный репертуар на одно название, мне кажется, впечатления бы наши вытеснили. А что, если кто-то придет только на этот спектакль?..

Ведь бывает, что театр привозит на гастроли в Москву всего одну пьесу. Я вспоминаю, как в середине 50-х годов Ленинградский театр имени Ленинского комсомола показывал в столице комедию Д. Добрица «Три сокола, дом 17». Одна сценка, но зато какой был успех! Кстати, этой работой дебютировал в качестве режиссера молодой, но уже известный в Ленинграде актер Игорь Владимиров. Затем он поставил еще несколько музыкальных комедийных спектаклей. И в 1960 году возглавил театр имени Ленсовета. В ту пору создавалось впечатление, что в Ленинграде отныне будет не один театр комедии, а два. Или два театра музыкальной комедии.

Но, когда И. Владимиров показал «Совесть» Д. Павловой и В. Тохарева, отношение к нему резко изменилось. Оказалось, что он может быть не только веселым и музыкальным, но и вполне серьезным, строгим, почти аскетичным, готовым ввязаться в самые что ни на есть конфликтные ситуации.

Теперь — судите сами: «Преступление и наказание», «Жестокость», «Человек со стороны», «Мой бедный Марат», «Варшавская мелодия», «Таня», «Ромео и Джульетта» (последние две работы не были включены в репертуар нынешних гастрелей) — разве это афиша театра музыкальной комедии?!

Значит ли, что все спектакли удалась? Отнюдь. Скажем, в «Преступлении и наказании», мне лично кажется, не получилось куда больше, чем получилось. Актер Л. Дьячков, безусловно, один из лучших в этом театре. Но и ему, вероятно, недостало играть все. Во всяком случае, Раскольникова вряд ли может быть отнесен к числу его удач. Индивидуальность героя Достоевского и индивидуальность актера Дьячкова оказались столь далеко друг от друга отстоящими, что рассчитывать на их сближение трудно. Зато «Жестокость», «Человек со стороны» и «Мой бедный Марат» помогают нам узнать сильные стороны актерской

индивидуальности Дьячкова, которая раскрывается наиболее полно, как правило, в тех образах, где актер играет людей бескомпромиссных, цельных, чистых, способных не договориться, умеющих слушать других; легко ориентирующихся в любой обстановке. Правда, в «Преступлении и наказании» есть и актерские удачи. Например, А. Петренко — Свидригайлов, А. Равикович — Заметов, Г. Никулина — Соня, В. Каменицкий — Порфирий, А. Солонькин — Лужин, Ваконец, или Юркович, Екатерина Иванова — А. Фрейндлих.

Сколько бы вы ни слышали об этой актрисе, сколько бы ни читали, не верьте никому на слово: посмотрите сами! Конечно, в судьба в ней благосклонна, она ведь играет очень разные роли — от Мальвы, друга Карлсона, до Элизы Дуанты-Шоу, шекспировских Катарины и Джульетты, вюринской Гелены, арбузовских Лики и Тани... Но я знаю других актрис, не менее везучих, однако менее, вероятно, талантливых. Они меняют парики и платья, тщательно гримируются, ищут походку, манеру говорить или ничего этого не делают, но мы ежевечерне встречаемся все с той же актрисой, переодетой в новые туалеты.

Алиса Фрейндлих, как мне кажется, перед каждым спектаклем гримирует душу, а уж затем плоть, как червячку, вытягивает из себя «чужую шкуру». Это не значит, что она не думает о форме. Еще как думает! Но все же в costume, и парик, и внешний грим — это все соотносится с тем, во имя чего она выходит сегодня на сцену. Появляясь даже не в главной роли, ничего специально для этого не делая, актриса берет нас в плен и заставляет следить за каждым своим едва заметным взглядом и жестом. Нет, это не мимотеатр Алисы Фрейндлих. Просто бывают такие феномены: М. Вабанова; Ф. Равельская, Л. Сухаревская, Ю. Борисова, М. Романов, М. Астантов, Н. Хмельев, Н. Самоилов, А. Бучма, Н. Черкасова... И то, что в современном театре появляется новое поколение звезд первой величины, — явление, безусловно, радостное.

Ну, а как же все-таки обстоит дело с ансамблем? Ведь настоящий театр вне этого качества представить сегодня невозможно. За десять минувших лет в труппе произошли значительные перемены. Мне кажется, что молодые, подававшие надежды Д. Барков, Л. Дьячков, А. Равикович выросли за эти годы в настоящих актеров, на которых сегодня во приву строится основной репертуар театра. Другое дело, что такое строительство нужно всегда вести крайне осторожно, не допуская перегрузок. Это в педагогично. И обязательно делается за счет недогрузки и недоразвития других. Наконец, лишают актеров необходимых для новых поколений творчески пауз.

Во время вышеназванной встречи обратил на себя внимание новый актер. И то, как театр их использует. Например, А. Петренко. Он играет главаря банды Воронцова в «Жестокости», слугу Бисиделло в «Укрощении строптивой», юнженера Пискунова в «Человеке со стороны» и Свидригайлова в «Преступлении и наказании». Какое диапазон? Или А. Романов, безусловно, один из самых интересных актеров. Он появляется то в образе раболова Греммо, то играет обольстительнейшего Альберта в «Человеке и джентльмене». Или скромного, застенчивого, деликатного Малагарова в «Человеке со стороны».

Многие маленькие роли исполнены в этом театре с завидной тщательностью, что свидетельствует об общей высокой культуре: И. Балай («Укрощение строптивой»), В. Егоренкова («Человек со стороны»), Н. Пеньков, А. Пузырев («Жестокость»).

В. И. Немирович-Данченко говорил, что режиссер должен раствориться в актере, как сахар в чае. Но, растворившись, сахар делает чай сладким, хотя на глаз это и не видно. Мне кажется, что образная формула Немировича-Данченко принята на вооружение не только людьми талантливыми. Отчего мы часто и в кино, и в театре «пьем» пустой чай, без сахара. Можно по пальцам перечесть театры, где режиссер, оставаясь для зрителей незаметным, через актеров творит чудеса. Театр имени Ленсовета принадлежит как раз к числу таких коллективов. Может быть, потому что И. Владимиров не только режиссер. Правда, в театре он теперь не играет, но ведь в фильме «Тюль современник» снимался не только режиссером, а и акт. а он сам...

Радость нынешних гастрелей в Москве состоит в том, что мы стали свидетелями безусловного восхождения. И пусть не все пока проходит одинаково бесспорно, зато ясно становится дело, в которой устремлены шаги театра.

Б. ПОЛОРОВСКИЙ